

Прохожіи, разсказъ *Д. Григоровича*.
Трѣ стихотворенія *И. Некрасова*.
Дневникъ двинскаго челоуѣка, повѣсть *И. Тургенева*.
Переписка двухъ барышень, *Н. Станкевича*.

По заглавіямъ статей читатель видитъ, что «Легкое Чтсше» предлагаетъ ему вещи, уже бывшіи однажды въ печати. Дѣйствительно, такова цѣль издателей: они желаютъ соединить въ своемъ изданіи повѣсти и разсказы русскихъ писателей, разбросанные въ журналахъ и заслуживающіе перепечатки. Вопросъ, стало быть, въ томъ: удовлетворителенъ ли выборъ издателей, иди, яснѣе, доступны ли имъ произведенія тѣхъ русскихъ писателей, которыми интересуется публика? Отвѣтъ на это въ вышеприведенномъ содержаніи перваго тома и въ нижеслѣдующемъ оглавленіи втораго, который изготавляется къ выходу. Содержаніе 2-го тома:

Иванъ Савичъ Поджабринъ, повѣсть *И. А. Гончарова*.
Дантъ въ Венеціи, стихотвореніе *Л.*
Не въ свов сани ве садись, комедія *А. Н. Островскаго*.
На Черномъ морѣ (1855), стих. *Я. П. Полонскаго*.
Капризная женщина, повѣсть *И. Н. Станицкаго*.
Срубленный лѣсъ (отрывокъ), стихотв. *И. А. Некрасова*.
Сосѣдка, повѣсть *Д. В. Григоровича*.
Вечерніе визиты, разсказъ *А. В. С****.
Записки маркера, разсказъ *г. Л. Н. Толстаго*.

Мы убѣждены, что изданіе Давыдова и Коми. прибрѣтетъ себѣ огромную массу читателей, если составъ его будетъ всегда такъ блистателенъ, какъ въ двухъ первыхъ томахъ. Обращаемъ вниманіе читателей на дешевизну изданія, такъ какъ эта попытка у насъ совершенно новая, принадлежащая магазину, недавно начавшему свою дѣятельность, — попытка, которую весьма пріятно было бы видѣть поддержанною со стороны публики: за 400 компактныхъ страницъ текста, написаннаго извѣстными писателями, издатели назначили 1 р. сер. Это, дѣйствительно, дешево.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Тома V и VI. Москва. 1856.

Перепечатывая вторымъ изданіемъ прежніе четыре тома «Сочиненій Гоголя», г. Трушковскій объявилъ, что надѣется современемъ присоединить къ нимъ пятый томъ, въ которомъ будутъ собраны не вошедшіи въ прежнее изданіе статьи Гоголя, помѣщенные въ «Арабескахъ» и разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въмсто одного тома, г. Трушковскій даетъ теперь два, присоединивъ къ этимъ статьямъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» и нѣсколько неизданныхъ произведеній и отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Гоголя. «Такимъ образомъ—говоритъ г. Трушковскій—эти шесть томовъ, вмѣстѣ съ «Мертвыми Душами», составятъ почти полное собраніе сочиненій Гоголя». Дѣйствительно, только «почти», но еще не совершенно полное. Изъ напечатанныхъ произведеній Гоголя пропущены издателемъ двѣ статьи, указанные г. Геннадіи («Списокъ сочиненій Гоголя», «Отечественныя Записки»

1853 г., № 9): 1) Разборъ «Утренняя Заря» въ «Москвитиниѣ» 1843 г., и 2) «Письмо къ М. С. Щепкину изъ Венеціи, о постановкѣ пьесы: «Дядька въ затруднительномъ положеніи». Кромѣ того, г. Кулешъ указалъ, что Гоголю принадлежать многія изъ рецензій, поимѣненныхъ въ пушкинскомъ «Современникѣ»; безъ сомнѣнія, нѣкоторыя другія статьи могли бы быть указаны друзьями Гоголя и библиографами, напримѣръ, г. Тихонравовымъ, которому обязаны мы открытіемъ «Ганца Кюхельгартена». Изъ ненапечатанныхъ отрывковъ, въ изданіе г. Трушковскаго не вошли отрывки, отысканные и напечатанные г. Кулешемъ, въ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя». Нѣтъ сомнѣнія, что, при винятельномъ разборѣ бумагъ, сохранившихся у родственниковъ и друзей Гоголя, найдется еще многое. Содѣйствіе библиографовъ,—особенно г. Тихонравова, могло бы, какъ видимъ, быть полезно для г. Трушковскаго. Современемъ, конечно, опущеніи, теперь сдѣланныя, будутъ пополнены; но для публики и самой литературы было бы лучше, если бы за одинъ разъ дали намъ все, что отчасти уже найдено, отчасти могло бы быть найдено.

Пересмотримъ пока то, что вошло въ изданные два тома. Пятый томъ раздѣленъ на три отдѣла: 1) статьи изъ «Арабесковъ», 2) двѣ статьи изъ «Современника» 1836—1837 годовъ: «О движеніи журнальной литературы» и «Петербургскія Замѣтки», 3) неизданныя сочиненія: «Отрывокъ неизвѣстной повѣсти», «Развязка Ревизора», «Отрывокъ изъ Мертвыхъ Душъ». Въ шестомъ томѣ перепечатаны «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», и къ этимъ письмамъ, подъ именемъ «Юношескихъ опытовъ», присоединены: поэма «Ганцъ Кюхельгартенъ», стихотвореніе «Италія», два отрывка изъ повѣсти «Страшный Кабанъ» и отрывокъ «Женщина».

Современемъ, о каждомъ изъ этихъ произведеній и отрывковъ мы будемъ говорить подробно, когда будемъ разсматривать всю литературную дѣятельность Гоголя. Теперь же, ограничиваясь извѣщеніемъ о содержаніи вновь изданныхъ томовъ, взглянемъ только на статьи, которыя являются въ печати въ первый разъ.

«Отрывокъ изъ неизвѣстной повѣсти» принадлежитъ, по замѣчанію издателя, къ самымъ раннимъ произведеніямъ Гоголя и написанъ имъ, быть можетъ, еще до «Вечеровъ на Хуторѣ». Сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ малороссійской исторіи, изъ временъ казацкихъ войнъ съ поляками. Главное дѣйствующее лицо знаменитый предводитель казаковъ Острица. Въ художественномъ отношеніи, отрывокъ слабѣе «Вечеровъ на Хуторѣ», но тѣмъ не менѣе многія страницы его таковы, что могли быть написаны только авторомъ «Тараса Бульбы». Приводимъ двѣ небольшія сцены изъ первой главы.

Всѣ православные собрались къ обѣднѣ на Свѣтлый праздникъ. Между народомъ особенно замѣтенъ высокій казакъ съ смѣлымъ, одушевленнымъ, но покойнымъ лицомъ. Съ церковной паперти слышится крикъ. Народъ бросается узнать, въ чемъ дѣло,—дѣло въ томъ, что жида, которымъ отданы на откупъ русскія церкви, обижаютъ старика, принесшего къ церкви пасху, для освященія.

«Три жида отбирали у дряхлаго, посѣдѣшаго, какъ луна, возава пасху, явна в барана, утверждая, что онъ не вносилъ за нихъ денегъ. За старика вступалось двое, стоявшихъ около него; къ нимъ пристали еще, и наконецъ цѣлая толпа готова-

лась задавить жидовь, если бы тотъ же самый шировоплечія, высокаго росту, чья физиономія такъ поразилъ находившихся въ церкви, не остановилъ однимъ своимъ мощнымъ взглядомъ. «Чего вы, хлопцы, съ дуру бѣснуетесь? У васъ, видно, нѣтъ ни на волосъ Божьяго страха. Люди стоять въ церкви и молятся, а вы тутъ чортъ знаете что дѣлаете. Гайда по мѣстамъ!» Послушно всѣ какъ овцы равбрелись по своимъ мѣстамъ, разсуждая, что вто за чудо такое, отвудова оно ваялось и съ какой стати ввязывается онъ, вогда его не просать, и отъ чего онъ. хочеть, чтобы слушались. Но вто каждый только подумать, а не сказать въ слугъ. Взглядъ и голосъ неванаконца какъ будто нѣкии волшебство: такъ были повелительныи. Одинъ жидъ стоялъ только, ве отходя, и какъ скоро оправился отъ перваго страха, неванною помощью, началъ было снова приступать, какъ тотъ же самый и схватилъ его могучею рукою за воротъ такъ, что бѣдный потомокъ Израилевъ съежился и присягъ на колѣни.— «Ты чего хочешь, свинное ухо? Такъ тебѣ еще мало, что душа осталась въ галащцахъ? Ступай же, тебѣ говорю, поганая ядовина, нова не оборвагъ тебѣ пейсики.» Послегъ того толкнулъ онъ его, и жидъ растлался на земгъ, какъ лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бѣжать; спустя нѣсколько времени, возвратился съ начальникомъ польсвилъ улавъ. Это былъ довольно рослый полякъ, съ глупо дерзковъ физиономію, которая всегда почти отличаетъ полицейскія служителей. «Что вто? Какъ это?... Гунство, теремтете? Зачѣмъ драка, холоство проклатое? Лысый бѣсъ въ нашу съ смальцемъ! Разгъ? Что вы?... Что тутъ драка? Порвала бы васъ собака!...» Блвститель порядка не зналъ бы, куда обратиться и на кого налить потокъ своихъ наставлений, приправляемыхъ бранію, если бы жидъ не подвалъ его къ етарому козаку, котораго волосы, вздуваемые вѣтромъ, какъ снѣжный иней серебрились. «Что ты, глупый холопъ, вздумалъ? Что, ты драку началъ, драку? Пасе мазенато, гунство! Знаешь ты, что жидъ? Гунство проклатое!... Знаешь, что борода поповская не стоять подошвы?... Чортъ бы тебя схватилъ въ банѣ за пунъ!... У него оломецъ краше, чѣмъ ваша *золотека* вара...» Тутъ онъ схватилъ за волосы старца и выдернулъ клокъ серебряныхъ волосъ его....

Глуое стеланіе испустилъ старый козакъ.

— «Вей еще! Самъ я виновать, что дожилъ до такихъ гѣтъ, что и счетъ имъ потерялъ. Сто гѣтъ, а можеть и больше тому назадъ, меня драли за чубъ, вогда а былъ хлопцемъ у батька. Теперь опять быють. Видно, снова воротились гѣта мои. Только нѣтъ, не то, не въ силахъ теперь и руки поднять. Вей же меня!...» При сихъ словахъ сто-двадцатилѣтній етарецъ наклонялъ свою бѣлую голову на руки, сложенныя крестомъ на палкѣ, и, подпершись ею, долго стоялъ въ живописномъ положеніи. Въ словахъ старца было невѣроятно трогательное. Замѣтно было, что многие хватиласьъ руковъ за сабли и пистолеты, но видъ столькагъ устаткъ улавовъ на лошадагъ, и гѣсволько словъ, связанныхъ незнакомцемъ, заставили всѣгъ принять положеніе молещивовъ и креститься.

— «Что ты врешь, глупый мужикъ, теремтете! Чтобы я на тебѣ руки поганилъ, гунство проклатое! Лысый бѣсъ рогатый тебѣ въ кашу! Гершво! возьми отъ него пасху! Пусть его однимъ оваянымъ сухаренъ разговѣтся. Вишь, гунство проклатое!» говорилъ блвститель правосудія, подвигаясь къ ряду дѣвичьему и уцлпнувъ одну изъ нихъ за руку. «Что за драка? Охъ, славная дѣвка. Вишь драку!... Ай да Парасва! Ай да Пидорка! Вишь глупый мужикъ... порвала бы его собака!... Ай, ай, ай! Сколько тутъ жиру!...» Блвститель порядка вѣрно себѣ позволялъ нескромность, потому что одна изъ дѣвушекъ вскрикнула во все горло. Въ вто время пасха были освящены в обѣдня кончилась и многие уже стали расходиться. Нѣсколько только народу обступило козака, такъ заинтересовавшаго толпу, который между тѣмъ подходилъ къ исправлявшему званіе алгвизавла.

— «Славный у тебя усъ, нанъ!» проговарилъ онъ, подступивъ въ нему близко.

— «Хорошій! У тебя, холопа, не будетъ такого, произнесъ онъ, расправляя его рукою.—«Славный! Только ве туда ты, палъ, крутишь его. Вотъ куда нужно крутить!» Мощный козакъ дернулъ сильною рукою такъ, что половина уса осталась у него. Старый волокита захрапѣлъ и заревѣлъ отъ боли. Лицо его сдѣлалось цѣвта

вареной сквеклы. «Рубите его, рубите лайдака!» кричал онъ, но почувствовалъ себя въ рукахъ высокаго козака, и увидя насмѣшливыя лица всѣхъ, сталъ ислатъ глазами своихъ вонювъ. Малеванный путь струсилъ...

— Какъ же тебѣ, панъ, ве совѣство бить такого старина! А если бы твоего старого отца вто нибудь сталъ безчестить такъ повосно при всѣхъ, какъ ты обезчестилъ старѣйшаго изъ всѣхъ васъ? Что тогда? Весело тебѣ было бы терпѣть вто? Ступай, панъ! Если бы ты не у Короля въ службѣ былъ, я бы тебя не выпустилъ живаго.»—Выпущенный плѣнникъ побѣжалъ, отряхиваясь. За нимъ слѣдомъ повалилъ народъ. Между хѣмъ козакъ, отвязавши вова, привязавваго къ церковной оградѣ, готовился сѣсть, какъ былъ остановленъ средняго роста вонювъ, посѣдѣвшимъ челоуѣкомъ, который долго ве отводилъ отъ него вниманя в заглядывалъ ему въ глаза съ такимъ любопытствомъ, какъ иногда собака, вогда видитъ ѣдущаго хлѣбъ. «Доуродю! Вѣдь я васъ знаю. Можеть быть и правда? Ей Богу знаю. Не сважу, таки точно знаю. Ей Богу знаю! Чи вы Острианица, чи вы Омяхъчевво. Можеть и онъ. Ну тавъ! Я стою въ церкви и говорю: вотъ то, что стоять возлѣ его, то Острианица. Ей, ей, Острианица. Да можеть быть и нѣтъ, можеть быть и не Острианица. Нѣтъ, Острианица. Ей, тебѣ такъ показалось. Ну какъ нѣтъ? Острианица да и Острианица. Какъ только послушалъ голосъ, ну тогда и рукою махнулъ. Вотъ, такъ точаеховько, покойный батюшка. Пусть ему легко вкнется на томъ свѣтѣ! Такъ жо разумно бывало каждое слово отвѣтить.»

Острианица узнаеть въ старикѣ удалаго козака Пудька. Они вмѣстѣ ѣдутъ на хуторъ Острианицы. Проѣжая мимо площади, Пудько замѣчаетъ, что народъ весь столпился въ кучу. «Вѣрно, что нибудь произошло между народомъ», говорить онъ своему спутнику.

«Въ самомъ датѣ, ва открывшейся въ вто время изъ за хать площади, народъ сросся въ одну кучу. Качели, стрѣльба я игры были оставлены. Острианица, взглянувши, тотчасъ увидѣтъ причину: на шестѣ былъ повѣшевъ, вверхъ ногами, жидъ, тотъ самый, котораго онъ освободилъ изъ рукъ рабгѣваннаго народа. На ту же самую висѣлицу тащили храбреца съ оборванными усомъ. Острианица ужаснулся, увидѣвъ это. «Нужно поспѣшить»,—говорилъ онъ, пришиорявъ кова. «Народъ не знаеть самъ, что дѣлаеть. Дурв! Это на ихъ же головы рушится.—Стойте, козакъ, рыцарство и посполитый народъ! Развѣ этакъ по возацки дѣлаеть?» проязнесъ онъ, воавыся голосъ.—«Что смотрѣтъ его!»—послышался говоръ между молодежью. «Въ другой разъ хочеть у васъ вытащить изъ рукъ.»—«Послушайте, у кого есть свой разумъ.»—«Онъ правду говорить,»—говорило нѣсколько умѣренныхъ. «Молоды вы еще, я вамъ расскажу, какъ дѣлають по козацки. Когда одинъ да выйдеть противъ треть, то бравый козакъ, противъ десяти—ещо лучше! Одинъ противъ одного ве штука. Когда жъ три ва одного нападуть, то всѣ не козакки. Бабы они тогда, то что... плюнуть хочеться, для саятаго праздника не сважу страмваго слова. Какъ же хочете теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитнаго, какъ будто на какую крѣпость страшную? Спрашиваю васъ, братцы,» продолжалъ Острианица, замѣтая внимавіе.—«какъ назвать тѣхъ?..»—«А чѣмъ назвать его,»—заговорили многіе въ полголоса. «Чтожъ есть хуже бабы, или того, что онъ постыдился сказать, мы ве знаемъ?»—Э), ве къ тому рѣчь, паноче, своротилъ,» произнесло въ голосъ нѣсколько нарубковъ. «Чтожъ? Развѣ мы должны позволить, чтобъ всякая падалъ топтала насъ ногами?»—«Глушы вы еще, не великъ усъ у васъ,» продолжалъ Острианица. При этомъ многіе ухватились за усы и стали покручивать ихъ, какъ бы въ опроверженіе сказаннаго имъ. «Слушайте, я расскажу вамъ одну присказку. Одинъ школяръ учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово Божье. Вѣрно онъ былъ придурковать, а можеть быть и лѣнь тому мѣшала. Дьякъ его покодотилъ дубинкою разъ, а послѣ въ другой, а тамъ и въ третій. «Крѣпко бьется проклятая дубина», сказалъ школяръ, привесъ сѣвиру и изрубилъ ее въ куски. «Постой жо ты», сказалъ дьякъ, да и вырубилъ дубину, толщиною въ оглоблю, и такъ погладилъ ему бова, что и теперь еще

болить. Кложь тутъ виновать, дубина развѣ? — «Нѣтъ, нѣтъ,» врвчала толпа. — «Тутъ ввиноветь король!...»

«Радуясь, что наконецъ удалось успокоить народъ и спасти шляхтича, Острица выѣхалъ изъ мѣстечка и пришпорилъ коня сильнѣе, и услышалъ, что его нагоняетъ Пудько. Какъ-то тягостно ему было видѣть воагѣ себя другаго. Множество скопившихся чувствъ нудило его къ раздумью. Свѣжій, тихій веселый воздухъ в притомъ нѣжно одѣвающимися деревья какъ-то расположили въ такое состояніе, когда всякій товарищъ бываетъ скученъ въ глазахъ вѣчно упительной природы. И потому Острица выдумалъ предлогъ отослать впередъ Пудьку въ хуторъ и ожидать его тамъ; а самъ, сказавъ, что ему еще нужно заѣхать къ одному пану, поворотилъ съ дороги.

Этимъ распоряженіемъ Пудько, кажется, не былъ недоволенъ, или можетъ, только принявъ на себя такой видъ, потому что чрезъ это ни мало не измѣнялъ любимой привычкѣ своей говорить. Вся разница, что вмѣсто Острицы, онъ все это пересказывалъ своему гнѣдко... «О, кто разумная голова! Ты еще не знаешь его, гнѣдко! Онъ тогда еще, когда было поднялось все ваше рыцарство на Ляховъ, онъ славному намъ дать перепойву. Дали бъ и они ему перцу, когда бы не улизнулъ на Запорожье. А правда не важно жидъ болтается на висѣлицѣ. А пана напрасно было затанули веревкою за шею. Правда, у него недостаетъ одной клепки въ головѣ, ну да чтожь дѣлать? Онъ отъ короля поставленъ. Можетъ, ты еще спросишь, за чтожь жидъ повѣсили, вѣдь и овъ отъ короля поставленъ? Гм! вѣдь ты дуранъ, гнѣдко. Онъ за то врагъ Христовъ, нашего Бога святаго.» Тутъ овъ ударилъ хлыстомъ своего скромнаго слушателя, который, убаюкиваемый его рассказами, развѣсилъ уши в началъ ступать уже шагомъ. «Оно не такъ далеко и хуторъ, а все лучше раньше послѣтъ. Уже давно пора, хочется разговѣться святою пасхою. Говоря, молъ, мнѣ не насхи, мнѣ овса подавай. Потерпи немножко: у пана славный овесъ, и пшеницы дамъ въ волю, и сивухою попотчивають. Я давно хотѣлъ у тебя спросить, гнѣдко, что лучше для тебя, пшеница или овесъ? Молчишь? Ну и будешь же вѣкъ молчать, потому что Богъ повелѣлъ только человѣку, да еще одной маленькой пташгѣ!...»

«При этомъ онъ опять хлестнулъ гнѣдка, замѣтивъ, что онъ заслушался и сталъ выступать по прежнему...»

Очевидно, повѣсть оставлена недоконченною потому, что Гоголь нашелъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» сюжетъ, болѣе удобный для осуществленія его идеи — представить запорожье и казачество въ полномъ разгарѣ борьбы за вѣру и народность. Нѣкоторые эпизоды «Тараса Бульбы» сохранили слѣды близкаго родства съ найденнымъ теперь отрывкомъ.

«Развязка Ревизора», написанная въ 1847, представляетъ мало новыхъ мыслей, поелѣ «Театральнаго развѣзда» и «Выбранныхъ мѣстъ». Гоголь выводитъ на сцену артистовъ, игравшихъ въ пьесѣ, и трехъ любителей театра, отдавая главную роль — главнаго комическаго актера — г. Щепкину, которому актеры подносятъ вѣнокъ за игру его въ роли городничаго. Любители театра высказываютъ о «Ревизорѣ» мнѣнія, сходныя съ тѣми, какія уже были подмѣчены Гоголемъ въ «Развѣздѣ»; главный комическій актеръ разрѣиваетъ ихъ недоумѣнія размышленіями въ духѣ «Переписки съ друзьями». Гоголь заходитъ такъ далеко, что хочетъ даже выставить «Ревизора» не комедію изъ общественныхъ нравовъ, а аллегорію. Одинъ изъ любителей театра говоритъ, что авторъ оскорбляетъ зрителей, избличая своею комедію ихъ недостатки, заставляя зрителей видѣть въ самихъ себѣ нравственныхъ уродовъ. «Нѣтъ, возражаетъ ему главный комическій актеръ, авторъ имѣлъ вовсе не ту цѣль:

«Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, во о тонѣ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да

не окончилась бы такой трагедией, какою кончалась эта комедия, которую только что съиграли мы. Что ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто этотъ ревизоръ? Что прикидываться! Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизорекъ ничто не укроется, потому что по именному высшему повелѣнью онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшное лице, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше жь одѣлать ревизовву всему, что ни есть въ васъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея. На мѣсто пустить разглагольствовавшій о себѣ и похвалыбы собой да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другаго города, въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразны чиновники, воруя казну собственной души вашей! Въ началѣ жизни взять ревизора, въ съ нимъ объ руку переглядѣть все, что ни есть въ насъ, настоящаго ревизора, не подложнаго! не Хлестакова! Хлестаковъ—щелкопѣръ, Хлестаковъ вѣтренная свѣтская совѣсть, продажная обманчивая совѣсть, Хлестакова поддупать какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ вашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался. Вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрый всякаго плута-чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая пошлая какаянибудь привычка? Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешъ ее за добродѣтель, и даже похваляешься передъ своимъ братомъ, и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!» Лицемеръ наши страсти, говорю вамъ, лицемеръ, потому, что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтренной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ, и ее самую онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было ни въсть куда, и въ генералы погѣзь, и навѣрняка сталъ возвыщаться, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, в другімъ сталъ общать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть. Не съ Хлестаковичемъ, во съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ».

Это натянутое объясненіе, конечно, нисколько нейдетъ къ дѣлу и замѣчательно только своею странностью. Вообще, «Развязка Ревизора» есть слѣдствие того же настроенія духа, которое побуждало Гоголя напечатать «Завѣщаніе» и «Выбранныя мѣста»; пьеса эта такъ же слаба, какъ худшія страницы въ «Выбранныхъ мѣстахъ».

Отрывокъ изъ «Мертвыхъ Душъ» былъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Произведенія, собранныя издателемъ подъ названіемъ «Юношескихъ Опытовъ», всѣ напечатаны Гоголемъ до изданія «Вечеровъ на Хуторѣ», но могутъ считаться почти совершенно неизвѣстными публикѣ, кромѣ стихотворенія «Итали», которое недавно было приведено г. Тихонравовымъ въ одной изъ его статей. О томъ, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» поэма очень слабая, даже и для тогдашняго времени (1829 г.), не можетъ быть ни малѣйшаго спора; но она интересна въ томъ отношеніи, что по сюжету не походитъ на тогдашніе кровавыя поэмы съ небывалыми злодѣйствами и трескучими катастрофами: Ганцъ, увлеченный идеальными стремленіями, начинаетъ тосковать въ скромной и тихой долѣ, которую даетъ ему судьба; онъ поки-

дасть любящую его кроткую невѣсту, чтобы предаться наукѣ, искусству, утолить жажду кипучей юношеской дѣятельности, — но, утопленный бесплодною погоней за мечтами, возвращается въ свой мирный и прозаическій городокъ, къ своей милой Луизѣ, и поэма кончается веселою свадьбою; и насколько поэма Гоголя въ художественномъ отношеніи ниже другихъ тогдашнихъ поэмъ, на столько же сильнѣе ихъ она тѣмъ, что есть въ ней нѣкоторые проблески чего-то похожего на сочувствіе къ дѣйствительной жизни, а не къ однѣмъ только вычитаннымъ изъ непонятаго Байрона мелодраматическимъ грѣзамъ.

Отрывки изъ разсказа «Страшный Кабанъ», напечатанные въ «Литературной Газетѣ», должны быть поставлены выше отрывка изъ исторической повѣсти, о которомъ говорили мы выше, — если бы «Страшный Кабанъ» былъ доконченъ, онъ былъ бы развѣ немногимъ слабѣе «Сорочинской Ярмарки» или «Ночи передъ Рождествомъ».

**Исторія Балтійскихъ Славянъ. А. Гильфердинга. Томъ I.
Москва. 1855.**

Людымъ, занимающимся славянскою филологіею, имя г. Гильфердинга извѣстно по двумъ сочиненіямъ, которыя отличались болѣе странностью тенденціи, нежели основательностью изысканій. Не поддежить ни малѣйшему сомнѣнію, что славянскій языкъ имѣетъ ближайшее сродство съ другими европейскими языками индо-европейскаго семейства: литовскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ, греческимъ; всѣ они вмѣстѣ составляютъ западную вѣтвь индо-европейскаго семейства; другіе языки того же племени — санскритскій, зендскій и персидскій, принадлежатъ къ восточной его вѣтви; съ ними европейскіе языки находятся уже не въ такомъ близкомъ родствѣ, какъ между собою. Это истина, такая же очевидная для каждаго филолога, какъ для каждаго изъ насъ то, что Москва есть европейскій городъ, а Бенаресъ — азіатскій. Но г. Гильфердингу вздумалось, что ближайшее родство съ индѣйцами есть почетнѣйшій титулъ, какимъ только можетъ украшаться какой бы то ни было народъ, и онъ рѣшился доставить намъ эту честь, — намѣреніе доброе, но противорѣчащее положительнымъ выводамъ науки. Г. Гильфердингъ отвергъ всѣ правила, которыя въ дѣлѣ филологическихъ изслѣдованій необходимы, чтобы не сбѣяться съ прямаго пути, и написалъ двѣ книги въ доказательство того, что славянскій языкъ не европейскій, а азіатскій языкъ; чтобы Европа, лишаясь одного изъ лучшихъ своихъ языковъ, не осталась въ убыткѣ, онъ доказывалъ въ то же время, что она должна отнять у Азіи персидскій языкъ. Не знаемъ, считаетъ ли теперь онъ свою цѣль уже достигнутою, или убѣдился въ бесполезности желаній и въ невозможности достигнуть ея, только за двумя книгами, сочиненными имъ въ доказательство азіатства славянъ, не являются слѣдующіи пять или шесть книгъ, которыя онъ хотѣлъ написать въ дальнѣйшее подтвержденіе вышеобъясненнаго добраго намѣренія. Въмѣсто того, онъ занялся, какъ теперь видимъ, «Исторіею Балтійскихъ Славянъ».

Это дѣло гораздо полезнѣе для русской публики, да и для науки, нежели противныя научной очевидности разсужденія о ближайшемъ родствѣ славянъ съ браминами. Но и тутъ г. Гильфердингъ имѣлъ отчасти умыселъ, котораго нельзя похвалить: онъ хочетъ запугать насъ нѣмцами, хочетъ научить

насъ, что отъ нѣмцевъ слѣдуетъ намъ держать себя подальше, а то — долго ли до бѣды?—какъ разъ они погубить нашу славянскую народность, онѣже-чагъ насъ. Онъ представляетъ тому поразительный примѣръ въ судьбѣ балтійскихъ славянъ. Сколько ихъ было!—лютичи, бодричи, стодоряне, поморяне,—и всѣ говорили по славянски; и какой народъ былъ!—воинственный и храбрый, сносливый и упорный, честный, въ семейнонъ союзѣ крѣпкій, добродушный, гостепріимный, человѣколюбивый; и какіе города у нихъ были!—Рана, Колобрегъ, Гданскъ, Аркона, Щетинъ, Радигощъ, — и какіе у нихъ идолы были!—Триглавъ, Вѣлбогъ, Чернобогъ, Радигость, Яровитъ, Святovitъ, да еще не просто Святovitъ, а Сварожичъ; и какіе пироги пекли они Святovitу!—изъ сладкаго тѣста, круглые, вышиною почти въ человѣческой ростъ... и что же теперъ? нѣтъ ни Триглава, ни Святovита Сварожича,—пироги изъ сладкаго тѣста правда есть, но уже не въ человѣческой ростъ вышиною,—и Щетинъ называется Штеттинномъ, и Гданскъ Данцигомъ, и не умѣютъ потомки поморянъ и стодорянъ говорить по славянски, и будто истые нѣмцы пьютъ пиво вмѣсто славянскаго меда.

А отчего погибли балтійскіе славяне? Не оттого только, что были побѣждаемы нѣмцами, но еще больше оттого, что полюбили нѣмецкіе нравы и сами исказили свою народность. «Предметъ близокъ намъ—говорить г. Гильфердингъ въ предисловіи—есть много поучительнаго въ судьбѣ балтійскихъ славянъ, ибо не одна только внѣшняя сила погубила ихъ: сильнѣе оружія германцевъ дѣйствовало внутреннее зло, искаженіе коренныхъ началъ славянской жизни». Предметъ вовсе не близокъ намъ—думаемъ мы—если близость его полагать въ сходствѣ нашего положенія съ положеніемъ балтійскихъ славянъ въ IX—XII вѣкахъ, и никакого поученія не можемъ мы извлечь изъ ихъ судьбы, а могли бы извлекать ого для себя развѣ нѣмецкіе колонисты въ Саратовской губерніи, Новороссійскенъ краѣ и т. д.: не русскимъ грозитъ опасность онѣмечиться—она отъ насъ такъ же далека, какъ опасность отуречиться или омордвиниться; во всемъ русскомъ царствѣ нѣтъ ни одного русскаго человѣка, дѣти или внуки котораго могли бы сдѣлаться нѣмцами; напротивъ, люди нѣмецкаго происхожденія мало по малу принимаютъ нашу народность; на примѣръ, г. Гильфердингъ, какъ по всему видно, чисто русскій человѣкъ, никакъ не менѣе всѣхъ нашихъ Ивановыхъ, Андреяевыхъ, Поповыхъ или Калашниковыхъ, а между тѣмъ, фамиліи г. Гильфердинга доказываетъ, что его предки были нѣмецкаго происхожденія. Какое же тутъ сходство съ балтійскими славянами? Тѣ сами онѣмечивались; а живучи между насъ, русскіе иноплеменники, къ обоюдному удовольствію коренныхъ русскихъ и самихъ русскіихъ иноплеменниковъ.

Вотъ совершенно другое дѣло вторая причина «близости къ намъ предмета», также указываемая намъ г. Гильфердингомъ: «балтійскіе славяне были братья русскаго народа», — это указаніе основательно. Мы рады выслушать подробный разсказъ о судьбѣ своихъ братьевъ. Но не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что онѣмечившіеся потомки балтійскихъ славянъ, населяющіе восточную часть Пруссіи, Мекленбургъ и пр., совершенно довольны своею участью, забыли о всякой враждѣ съ нѣмцами и даже считаютъ себя нѣмцами съ

такую же основательностью, какъ мы, согласно съ самимъ г. Гильфердингомъ, считаемъ г. Гильфердинга вполне русскимъ. А если сами потомки балтійскихъ славянъ не имѣютъ нынѣ охоты сердиться на вѣмцевъ, то мы съ г. Гильфердингомъ ужь и подавно не имѣемъ основанія сердиться на нѣмцевъ за то, что они овѣмечили поморянъ, черезвѣянъ, доленчанъ и глинянъ. Пора говорить хладнокровно о томъ, что было за тысячу или за восемьсотъ лѣтъ. Можно, кажется, не оскорбляя никого, сознаться, что если нѣмцы, во время войны съ балтійскими славянами, дѣлали имъ много вреда, то и балтійскіе славяне не оставались у нѣмцевъ въ долгу. Мы советуемъ г. Гильфердингу оставить вражду къ нѣмцамъ: иначе—чего добраго—явится по его примѣру какой нибудь историкъ, который будетъ враждовать противъ русскихъ, и въ томъ числѣ противъ г. Гильфердинга за то, что нынѣ муромцы говорятъ по русски—вѣдь они потомки муромы, которая, въ то самое время, когда балтійскіе славяне говорили по славянски, говорила не по славянски, а по муромски.

Но хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что г. Гильфердингъ отъ фантастическихъ изысканій перешелъ къ занятію предметомъ серьезнымъ; еще лучше то, что въ вовой его книгѣ гораздо менѣе произвольныхъ толкованій, нежели въ первыхъ сочиненіяхъ,—нынѣ онъ соблюдаетъ правила науки, которымъ не подчинялся прежде. Желаемъ, чтобы этотъ шагъ впередъ не былъ послѣднимъ, а чтобы г. Гильфердингъ вполне убѣдился, что безпристрастная истина лучшее поученіе и русскому, и нѣмецкому, и всякому другому народу.

Новое сочиненіе показываетъ въ г. Гильфердингѣ человѣка трудолюбиваго и умѣвшаго пріобрѣсть довольно обширныя знанія по своей специальности. Важныхъ ученыхъ открытій въ исторіи балтійскихъ славянъ до IX вѣка, которымъ кончается первый томъ, мы не замѣтили въ его книгѣ; но нѣкоторыя частныя догадки его справедливы. Надобно надѣяться, что мы будемъ имѣть въ немъ хорошаго и дѣятельнаго славянисте.